

Вячеслав Вс. ИВАНОВ

Ненавистник слова «раб»

Петр Чаадаев, наш современник

В последние годы нашей общественной и философской мысли возвращено много славных имен — и не только XX, но и XIX века. Пожалуй, чаще других цитируют двух очень противоположных мыслителей: Константина Леонтьева и Петра Чаадаева. Вышла даже в Петербурге книга «Константин Леонтьев, наш современник»¹. Но я, честно говоря, сомневаюсь, чтобы на книжном рынке появилась и имела успех книга «Петр Чаадаев, наш современник».

Для начала — о том, кто и почему в России сегодня считает современным Леонтьева. Его часто сопоставляли с Ницше, и у Бердяева есть замечание, что, если бы русский фашизм стал реальностью, у его истоков находился бы Леонтьев. С современной точки зрения, Леонтьев — очень интересный предмет для психоаналитического исследования. Его эстетизм — некий странный русский вариант Оскара Уайльда с сильной примесью типа прямо противоположного — Ницше. Такой тип сегодня весьма в ходу — и в культуре, и в политике. Я думаю, что при всем дендизме Чаадаева, воспетом в «Евгении Онегине», в Чаадаеве ничего похожего на этот европейский тип не было.

Главная тема жизни Чаадаева — рабство. Наша вечно роковая проблема, которая сегодня все так же остра, как и во время Чаадаева, и за сто лет до него. Недаром же премьер публично рассуждает абсолютно на те же темы, на которые с волнением писал Чаадаев (хотя, подозреваю, что читать Чаадаева премьеру некогда).

Чаадаев говорил, что ни один русский не может быть свободным до тех пор, пока крестьяне — рабы; само русское слово «раб» — отвратительно, пишет Чаадаев (и современный издатель к этому месту французского текста Чаадаева делает, я думаю, правильное замечание об одном четверостишии, написан-

ном Грибоедовым, когда его, как Чаадаева, допрашивали по делу декабристов: «По духу времени и вкуса / Он ненавидел слово Раб, / Его призвали в Главный штаб / И притянули к Иисусу»)². «Он ненавидел слово Раб» — в равной мере это относится ко многим современникам Чаадаева. Но только он осмелился утверждать, что крепостное право — основной факт русской истории, который сделал рабами нас всех, от императора до последних подданных.

И другое, о чем Чаадаев непременно говорил, касаясь темы русского рабства, — русское самодержавие. С его точки зрения, значимость только одного человека в русской жизни — немыслима, хотя он, вообще говоря, очень любил идею великого человека, даже сверхчеловека, — здесь можно упомянуть о Моисее и Магомете. Преклоняясь перед пророками, их совершенной свободой, Чаадаев и сам пророчествовал о будущем России, — когда писал, что рано или поздно в ней падет самодержавие и победит социализм, «но не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники».

В середине жизни Чаадаева в его любимой Франции произошли события, которые были восприняты им как катастрофа: чехарда революций и восшествие на престол Наполеона III. Эта его реакция стала мне понятнее в годы, которые мы теперь называем «застойными». Меня преследовала много лет мысль, что с начала XX века мы живем в длительной русской революции, такой же длительной, как французская, которая тоже растянулась на сто лет, — только в нашем случае, по чаадаевской метафоре, помноженной на необозримое географическое пространство. И я подозревал, что у нас это может растянуться еще на двести лет. Вполне естественно, что я каждый раз пытался понять: а в каком периоде этой бесконечной революции мы находимся вот сейчас? Глядя в очередной раз на Брежнева, выступающего по телевизору, я вдруг подумал, что, кажется, мы дожили до Наполеона III. И раскрыл «18-е брюмера Луи Бонапарта» — книгу, написанную человеком (что бы о нем ни говорили сегодня) из того же ряда мыслителей, что и Чаадаев, из философов, идущих вслед за Гегелем³. И вот что я прочел: «В окружении таких людей всегда находятся циркачи». Эта цирковая сторона Наполеона III раздражала Чаадаева — брезгливого аристократа, которому чучело гороховое на троне было омерзительно. Это очень важный момент в его судьбе: он увидел, что и западноевропейское развитие несет в себе много ему чуждого. Именно тогда он сближается с Герценом, с его негативными установками.

Герцен в нашей истории — удивительная фигура: в нем находили для себя что-то свое практически все великие русские писатели, мыслители, политические деятели. И Чаадаев не миновал этого. Все пишущие о Чаадаеве спотыкаются о тот прискорбный факт, о тот день, когда Чаадаев, с одной стороны, напоминает в письме Герцену, сколь многое их сближает, а с другой стороны — пишет ужасный текст для полиции, где отмежевывается от Герцена. Когда племянник спросил его: «Как же вы могли сделать такую низость?», он ответил ему по-французски: «Нужно дорожить своей шкурой». Малодушие? Трусость? Двуличие? Нет, тут только такой может быть ответ: «А что делать? Мы живем в России!» В буквальном переводе на русский ответ Чаадаева племяннику звучит так: «Все мы — рабы». И кто сегодня бросит камень в Чаадаева? Кто может сказать о себе с уверенностью, что в нем нет ничего рабского? Ведь и в этом случае с Герценом в Чаадаеве проявился не подлец, но патриот, изуродованный рабством.

Говоря о Чаадаеве, я думаю, что в нашем рабстве, в нашем неизжитом крепостном праве, несомненно, есть некая серьезная религиозная проблема. Наше рабство не может быть объяснено только биологически, генетически. К примеру, мой прапрадед был крепостным в Нижегородской области. Потом, в следующем поколении, мамыны дед и бабка Каширины получили свободу и в лаптях пришли в Москву, где основали какую-то довольно примитивную мануфактуру... Видите, как близко мы находимся к этому проклятому времени рабства, в которое жил и в котором страдал Чаадаев! Но почему-то мы совсем не думаем об этом, не пишем и не говорим. Не вспоминаем. И из-за этого — все наши беды последних лет. Провал стольшинских реформ, вопрос о том, что было сделано с землей после 17-го года, о том, что сделал Сталин в деревне, — это все, по существу, не описано, это не осмыслено в литературе последнего десятилетия. Мы по-прежнему считаем замечательными книгами те, в которых все на эту тему перевернуто.

Многие сегодня говорят о том, что попытка покаяния не удалась, провалилась. Говорят и о том, что вина за это — на совести интеллигенции. Я думаю, что если в чем наша культура, наша литература, наша интеллигенция виноваты, то главным образом в этом: в том, что мы не осознали свое рабство как главный повод для исторического покаяния.

Пока этого не произойдет — рабство в России останется и все мы останемся рабами.

